

СТАТУС ТАЙВАНЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ТАЙВАНЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Анна КАИМОВА
МГУ им. М.В. Ломоносова

Игорь ДЕНИСОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: Тайваньский вопрос, возникший в результате гражданской войны в Китае, определяет не только сложный комплекс отношений Пекина и Тайбэя, но и серьезно влияет на безопасность и стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Настоящая статья рассматривает эволюцию статуса Тайваня и тайваньской идентичности в контексте растущего геополитического противостояния КНР и США. Исследование сосредоточено на анализе исторических, политических и культурных факторов, формирующих тайваньскую идентичность. Данный подход позволяет по-новому посмотреть на последние тенденции в отношениях двух берегов Тайваньского пролива, преодолев прежние бинарные идеологические оценки. Авторы подчеркивают роль исторического наследия, включая китайское культурное влияние, полинезийскую культуру, японский колониальный период и взаимодействие острова с США, в формировании уникальной гибридной тайваньской идентичности. В ходе анализа сделан вывод, что проблема Тайваня обостряется не только из-за все более активной поддержки «сепаратистских сил» на острове со стороны США, но и в силу самой логики великодержавной конкуренции. Тайвань стремится использовать сложившуюся глобальную неопределенность для укрепления своего статуса и демонстрации субъектности. Результаты исследования показывают, что в контексте острой американо-китайской конкуренции манифестация тайваньской идентичности многократно увеличивается. В долгосрочной перспективе это осложняет поиск мирного решения тайваньского вопроса. Сделанный в ходе исследования вывод актуален для понимания и прогнозирования дальнейшей динамики ситуации в Тайваньском проливе.

Ключевые слова: Тайвань, Китай, США, статус, идентичность, постколониализм, тайваньский вопрос, великодержавная конкуренция, историческое наследие, культурная гибридность

Каимова Анна Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Китая, Институт стран Азии и Африки (ИСАА) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
ORCID: 0009-0009-9299-1430. E-mail: annansja@gmail.com
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1.

Денисов Игорь Евгеньевич – старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России.
ORCID: 0000-0001-5447-1164. E-mail: iedenisov@yahoo.com
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 08.05.2023

Принята к публикации: 11.06.2023

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. В части И.Е. Денисова статья подготовлена при поддержке МГИМО МИД России (грант № 1921-01-05).

Последствия исторического события, произошедшего более семи десятилетий назад, продолжают находиться в центре мировой политики. Разделение Тайваня и материкового Китая, ставшее результатом гражданской войны, не только определяет комплекс противоречий в отношениях двух берегов Тайваньского пролива, но и серьезно влияет на безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Внимание Соединенных Штатов к поддержке Тайваня в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии воспринимается в КНР с растущей обеспокоенностью и заставляет китайское руководство принимать меры дипломатического и военно-политического реагирования (Soong, 2018; Scobell, 2021). Центральное положение тайваньского вопроса в китайско-американских отношениях давно известно, и из прошлого века этот сложный узел проблем почти без изменений перешел в XXI в. (Tucker, 2009; Chai, 2002; Войтенко и Лексютина, 2011). Вне зависимости от смены американских администраций обеспечение безопасности Тайваня неизменно остается в числе приоритетов политики США в регионе (Лексютина, 2017: 114).

С обострением китайско-американских трений в сфере торговли и высоких технологий проблема «одного Китая» становится все более важным раздражителем в отношениях двух держав, а также внутренним вызовом для Коммунистической партии Китая (протестная волна в Гонконге 2019–2020 гг. лишь усилила этот вызов). Последнее связано с тем, что ключевой идеей для нынешнего китайского руководства во главе с Си Цзиньпином становится «великое возрождение китайской нации», однако без ликвидации «разделенности» острова и материка такая задача не может считаться решенной¹. Между тем использование «тайваньского рычага» давления на КНР при всех возможных стилистических коррективах, похоже, является константой американской внешней политики, перешедшей от Д. Трампа к администрации Дж. Байдена.

Приход в 2016 г. к власти на Тайване представителя Демократической прогрессивной партии (ДПП) Цай Инвэнь (особенно ее второй президентский срок) усилил неопределенности, связанные с будущим отношений в Тайваньском проливе. Замораживание политического диалога между Пекином и Тайбэем не только девальвирует идею последовательного сближения острова и материка, которая лежала в основе исторического саммита Си Цзиньпина и Ма Инцзю в Сингапуре (ноябрь 2015), но и возвращает район Тайваньского пролива в перечень потенциально опасных конфликтных зон на карте мира.

Перспективы конфликта часто представляются и анализируются с точки зрения реалистической парадигмы, в то время как меньшее внимание уделяется вопросам этничности, исторической памяти, национальной идентичности. Подобное верно для оценок ситуации в регионе в целом, который чаще рассматривается исключительно как поле великодержавной политики. Со-

¹ Highlights of Xi's speech at Taiwan message anniversary event (2019) *China Daily*, 2 January. Available at: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201901/02/WS5c2c1ad2a310d91214052069.html> (accessed 11 November 2021).

ответственно, как верно замечает Ш. Ягер (2007: 1–2), в подходах к изучению региона преобладают теоретические рамки, задаваемые дилеммой безопасности или неолиберальными теориями сотрудничества, в академических работах доминируют такие понятия структурных теорий международных отношений, как «баланс сил», «возможности для торговли» и пр., но «большей частью игнорируются идеи и культура в качестве каузальных переменных».

Настоящее исследование фокусируется на вопросах тайваньской идентичности, что, как представляется, позволит преодолеть бинарную идеологическую оппозицию – конфликт авторитарного Китая и демократического Тайваня – и посмотреть на ситуацию в Тайваньском проливе с учетом сложного исторического контекста формирования особого статуса Тайваня. В своем нынешнем виде статус Тайваня определяется далеко не только идейным наследием противостояния Гоминьдана и КПК в ходе гражданской войны в Китае. Тайваньская идентичность является продуктом многолетнего воздействия внешних государственных акторов (например, Японии и США), несет следы сменявших друг друга эпох, на ее формирование оказывали и продолжают оказывать влияние различные культуры и этносы. Статус Тайваня и его отношения включенности/исключенности с общей китайской историей являются центральным пунктом программ различных политических партий и движений на Тайване.

Как следствие, представляется закономерным, что такой сложный «плавающий котел» идентичностей, каким является Тайвань, в условиях глобализации не привел к стиранию различий и снижению конфликтности, а наоборот из большей части спящего вулкана все увереннее превращается в действующий. Возвращение остроты тайваньского вопроса очевидно.

Вопрос о статусе Тайваня мы рассматриваем в трех измерениях:

1) Двустороннем. Здесь, прежде всего, пытаемся установить, почему двум берегам Тайваньского пролива до сих пор не удалось сблизить свои позиции, несмотря на наличие каналов взаимодействия;

2) С точки зрения исторической эволюции тайваньской идентичности. Мы исходим из того, что тайваньская идентичность строится на основе переплетения колониальной и постколониальной аргументации, а также находится под влиянием меняющихся отношений с материковым Китаем, который, в свою очередь, занят своим проектом возрождения национального величия;

3) Международном. Противоречивая тайваньская идентичность и ее выражение в международном контексте является следствием того, что «воображаемое политическое сообщество» (Андерсон, 2001) острова имеет свои особенности. Как следствие, попытки Тайваня расширить свое международное пространство – не всегда ответ на пекинское понимание принципа «одного Китая», но часто – продолжение внутритайваньских дискуссий, попытки вынести вовне разные интерпретации того, что такое Тайвань. В последние годы эта динамика все больше определяется напряженностью в китайско-американских отношениях.

Тайваньский узел: почему не удается создать «сообщество интересов»?

Бремя «расколотов» китайской идентичности становится тем более тяжелым политическим грузом, чем увереннее и сильнее чувствует себя Китай. Легитимность Коммунистической партии Китая и ее историческая миссия оказываются под угрозой, а стремление Китая стать лидером глобализации сталкивается с барьерами, многие из которых не новы: Тайвань и Гонконг, Синьцзян и Тибет. Усиление внешнего давления на эти «болевые точки» китайских ключевых интересов, распространение дискурса о китайской экспансии и авторитаризме порождают рассуждения о «холодной войне 2.0», о неуклонном движении мира к новой биполярности, заставляют говорить о возможном конце глобализации в ее прежнем виде и грядущем разделении на блоки не столько на военной и идеологической, сколько на технико-экономической основе.

Вопрос о тайваньской идентичности и статусе Тайваня является важным предметом этих дискуссий. Несмотря на растущий корпус научной литературы по тайваньской проблеме, исследователи постоянно сталкиваются с новыми задачами. Прежде всего, важно попытаться понять, почему «разрядка» в отношениях КНР и Тайваня оказалась столь кратковременной и закончилась со сменой правящей партии с Гоминьдана на ДПП, и не чреватые ли нынешние процессы в «лаборатории идентичностей» (Corcuff, 2002), как называют остров, непредсказуемыми, если не катастрофическими, последствиями.

Сопутствующим является более общий вопрос о том, насколько исследователи смогли верно предсказать траекторию дальнейшего развития «тайваньского узла» по мере накопления эмпирического материала об истории, современном обществе, экономике и взглядах политической элиты Тайваня, а также эволюции политической системы и глобальном подъеме КНР. Некоторые ученые полагали, что благодаря быстрому прогрессу глобализации вероятность военных конфликтов в Тайванском проливе снижается (Ding and Huang, 2011). В качестве наиболее вероятного сценария рассматривалась консервация политических разногласий, или даже их перемещение на второй план при уверенном сближении КНР и Тайваня в экономической и гуманитарной сферах (Bolt, 2001; Clark, 2002). При этом ключевая роль отводилась соблюдению «консенсуса 1992 года» (Chen, 2013).

Почти одновременное вступление КНР (11 декабря 2001 г.) и Тайваня (1 января 2002 г.) во Всемирную торговую организацию и подписание Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве (ECFA) в июне 2010 г. виделись в качестве важных шагов по усилению экономической взаимозависимости сторон. Надежды возлагались не только на укрепление позиций рыночной экономики на материке и дальнейшую внешнюю открытость КНР, но и на более тесные контакты между политическими элитами двух берегов Тайваньского пролива в рамках институализированных форматов и посредством многочисленных неформальных каналов. Ростки позитивных тенденций виделись и в переплетении коммерческих интересов материковой и тайваньской элит на фоне растущей экономической синергии двух берегов Тайваньского пролива. Как отмечал М. Вайсман (2009: 73), «взаимодействия элит не только привели

стороны к росту понимания и принятия различий между ними, но и к выявлению определенных общих норм и ценностей».

На рост заинтересованности КНР и Тайваня в сглаживании политических разногласий ради совместного экономического процветания обращали внимание многие исследователи. К примеру, Т. Кук (2009: 9) считал, что вступление в ВТО «неизмеримо важно для обеих сторон как мера укрепления доверия», усматривая таким образом связь между сближением позиций сторон в мировой торговой системе и возможностью их политического примирения. Некоторые ученые видели в успехах экономического сближения торжество долгосрочной стратегии КНР, приходя к выводу, что Тайвань уже попал в ловушку, и его перспективы все больше становятся частью «траектории китаизации на фоне присутствия всепроникающего фактора Китая» (Magcamit, 2015: 110). Таким образом, сценарии формирования и укрепления некой общности интересов, основанных прежде всего на стремлении сохранить свое место в производственных цепочках в условиях глобализации, казались более вероятными, чем возвращение обстановки враждебности и ограничения контактов.

Подход КНР к тайваньскому вопросу в целом совпадал с моделью реформ Дэн Сяопина, основанных на экономическом градуализме при общей консервации политической сферы. Иными словами, политика в отношении Тайваня была логичным продолжением внутреннего курса эпохи реформ и открытости. Сложно согласиться с мнением Линь Гана о том, что в решениях китайских властей по тайваньскому вопросу торжествовал неофункционализм, основанный на опыте европейской интеграции. Тем не менее верным является наблюдение ученого о том, что руководители КНР пытались «сначала решить более простые экономические вопросы, а затем более сложные политические вопросы, предполагая, что экономическая интеграция в конечном итоге приведет к политическому примирению и даже политической интеграции» (Lin, 2016: 334).

Однако правы оказались те, кто призывал не очаровываться степенью экономического сближения и влиянием глобализации на динамику политических отношений сторон. Сторонники этой точки зрения полагали, что для создания системы общих ценностей, без которых сложно говорить о политическом доверии, материковому Китаю и Тайваню следует в первую очередь освободиться от влияния разделяющих их культурных барьеров.

Как показал в своей статье профессор Сямэньского университета Чэнь Кунли (2013), на материке высказываются две полярные точки зрения по поводу влияния культурно-ценностных различий на отношения двух берегов Тайваньского пролива и возможных путей решения этой проблемы:

1) Ассимиляция, предполагающая исправление «неверной» тайваньской идентичности и «изменение мышления» тайваньцев. В этом случае «различия» другой стороны будут фактически «отняты» у нее и нивелированы. Контакты предполагается строить на основе того, что одна сторона (Тайвань) ставится в зависимость от интересов и желаний другой стороны (материковый Китай). Это, по мнению Чэнь Кунли, неизбежно приведет к конфронтации между двумя берегами Тайваньского пролива.

2) Гармонизация, обозначаемая выражением Конфуция «хэ эр бу тун» (находиться в согласии, имея разные взгляды). Подход предполагает стремление к внутренней гармонии и единству, а не к поверхностной одинаковости и единому сердцу. Исключается принуждение к единому сердцу либо требование полной идентичности двух сторон. Условием формирования гармонии является правильное отношение к различиям. С этой точки зрения реальное достижение консенсуса на основе гармонизации интересов остается идеалистической и труднодостижимой задачей. Как отмечает Чэнь Кунли (2013: 6), сторонам наиболее важно «признать различия, уважать различия, принять различия». Только на основе такого толерантного подхода можно достичь гармоничного сосуществования.

Для Тайваня, где общество разделено по вопросу национальной идентичности, проблема видится в другом. По мнению тайваньского ученого Чжао Цзяньмина (2003: 304), сторонам сначала необходимо «преодолеть раскол собственных культурных идентичностей, и лишь затем работать над формированием более гармоничной системы общих убеждений». Как считает академик тайваньской Academia Sinica Чжу Юньхань (2004: 510), неправомерно делать вывод о том, что ускорение экономической интеграции в районе Тайваньского пролива неизбежно создаст благоприятные условия для сдвига национальной идентичности в сторону политической интеграции в долгосрочной перспективе.

Значительные успехи «экономической оттепели» за десять лет нахождения Гоиньдана у власти вряд ли могли изменить ситуацию в корне и привести к формированию общности политических интересов. На то есть несколько причин.

Во-первых, сама повестка экономического сближения при президенте Ма Инцзю, особенно реализация ECFA, вызвала ожесточенную полемику в тайваньском обществе, и голоса сомневающихся в выгоде более тесной интеграции с материком только усилились. Дальнейшее сближение могло серьезно накалить политическую обстановку на острове, тем более что молодое поколение не чувствовало культурную связь с материковой китайской традицией. Во-вторых, стремительный рост глобального китайского влияния, а также все более широкое применение материковым Китаем мер экономического принуждения по отношению к другим партнерам² давали дополнительные аргументы сторонникам максимальной диверсификации внешнеэкономических связей острова. В-третьих, противоборствующие тенденции тайванизации и китаизации постоянно подпитывались таким образом, что их сосуществование в тайваньском обществе становилось новой устойчивой нормой, и, если одни оперировали категориями выгод «огромного общего

² Наиболее ярким примером является давление на южнокорейский бизнес в связи с размещением на территории Республики Корея американских систем ПРО THAAD в 2016–2017 гг.

рынка», то другие, наоборот, видели в рамочном соглашении 2010 г. путь к углублению экономической асимметрии, которая может привести к поглощению острова материком.

Таким образом, на фоне сближения материка и острова в период президентства Ма Инцзю процессы культурно-политической дифференциации не замедлились, а ускорились. В такой динамике отношений двух берегов Тайваньского пролива можно увидеть еще одно проявление закономерности современного мира, когда «факторы, идентифицируемые как создающие общую идентичность (например, европейская интеграция и другие аспекты глобализации) также могут увеличить значимость воспринимаемых различий» (Gartzke and Gleditsch, 2006: 54). Одним из ключевых моментов в формировании «тайваньской идентичности» стал период постколониальной идентификации острова, который продолжается до сегодняшнего дня. Расколота идентичность стала одним из факторов внутривнутриполитической борьбы и обусловила развитие отношений между Тайванем и материковым Китаем. Для того чтобы понять особенности эволюции «тайваньской идентичности», необходимо более детально рассмотреть исторический контекст ее формирования, на чем и фокусируется настоящее исследование.

Исторический контекст формирования «тайваньской идентичности»

Колониальное прошлое как главная составляющая тайваньского исторического дискурса

«Тайваньская идентичность» представляет собой пример расколотой идентичности, которая, с одной стороны, является одним из факторов внутривнутриполитической борьбы на острове, а с другой – обуславливает развитие отношений между Тайванем и КНР. Эта особенность является результатом целого ряда исторических событий, относящихся как к колониальному, так и постколониальному периоду развития острова.

Колониальное прошлое Тайваня занимает особое место в теоретических построениях апологетов концепции «тайваньской идентичности»³. В целом история острова представляется ими как сменяющие друг друга периоды его колониальной зависимости от различных держав.

В 1624–1662 гг. на юге Тайваня находилась торговая фактория Голландской Ост-Индской компании, которая, помимо торговли, занималась сбором налогов с местного китайского населения и вела миссионерскую деятельность,

³ «Тайваньская идентичность» стала частью официального политического и исторического дискурса на острове с 1990-х гг. При рассмотрении предшествующего периода можно говорить лишь о концепции «тайваньской идентичности», распространенной в определенных кругах тайваньского общества. Эти идеи первоначально получили развитие среди представителей Движения за независимость Тайваня, которое базировалось за пределами острова, а также в рядах «беспартийных» – участников выборов на местном уровне в условиях запрета на образование политических партий в период военного положения на Тайване с 1949 по 1987 г.

преимущественно среди представителей аборигенных народностей Тайваня⁴. С 1626 г. на севере острова существовала аналогичная торговая фактория Испанской империи. Она функционировала до тех пор, пока испанцы не были вытеснены голландцами в 1642 г. (Wills, 2005). В 1662 г. Тайвань был захвачен представителями клана Чжэнов во главе с Чжэн Чэнгуном (1624–1662), лидером антиманьчжурской борьбы под девизом восстановления власти Империи Мин. Клан Чжэнов правил островом до 1683 г., когда внук Чжэн Чэнгуна Чжэн Кэшун подписал указ о передаче Тайваня под власть Империи Цин (Struve, 1998).

Для современной официальной историографии КНР существование Тайваня в качестве одной из областей провинции Фуцзянь, а с 1887 г. – в статусе отдельной провинции Цинского государства является свидетельством принадлежности Тайваня к «одному Китаю»⁵. Однако пронегазависимые тайваньские историки ставят Империю Цин в один ряд с другими иностранными державами, осуществлявшими колониальное управление островом (Su, 1986). Кроме того, часто подчеркивается неэффективность цинской администрации на Тайване, что объясняется пренебрежительным отношением со стороны центральной власти в Пекине в связи с удаленностью острова от материкового Китая. Направление чиновников на службу на Тайвань зачастую было одной из форм политической ссылки. Естественная преграда в виде Тайваньского пролива также служила препятствием для участия жителей острова в политических и культурных процессах на материке. Неслучайно после поражения Китая в войне с Японией 1894–1895 гг. цинская администрация, несмотря на несогласие некоторых представителей чиновничьей элиты как на материке, так и на самом Тайване, в соответствии с условиями Симонсекского мирного договора передала остров в вечное владение Японии и не оказала никакой поддержки развернувшемуся на Тайване движению сопротивления новой метрополии.

Период японского колониального господства (1895–1945 гг.)

Пятьдесят лет японского колониального господства на Тайване занимают особое место в его историческом и культурном дискурсах. Этот период в истории острова характеризовался практически полным отсутствием контактов между Тайванем и материковым Китаем. Интерес к этому этапу истории со стороны тайваньского общества в постколониальный период представляет собой, на наш взгляд, уникальное явление.

Под понятием «постколониального» принято понимать последствия распада колониальных империй. Под «постколониализмом» же имеются в виду обстоятельства, при которых колонизированные народы как до, так и после обретения ими независимости стремятся найти свое место в качестве субъ-

⁴ Исследователи отмечают наличие поселений ханьцев из материкового Китая на Тайване чуть ли не с III в. Однако начало массового переселения китайцев на остров относится к XVII в. До этого Тайвань был населен австронезийскими (или малайско-полинезийскими) племенами.

⁵ The Taiwan Question and Reunification of China (1993). *China Internet Information Center*, August. Available at: <http://www.china.org.cn/english/taiwan/7953.htm> (accessed 11 November 2021).

ектов истории (Heylen, 2004). В большинстве бывших зависимых территорий интерес к своему колониальному прошлому обуславливается, как правило, стремлением проследить становление собственной идентичности в ходе национально-освободительной борьбы или сохранение этой идентичности в условиях угнетения со стороны метрополии. На Тайване же этот интерес обуславливается несколько иными факторами: обращение к колониальному опыту призвано в первую очередь продемонстрировать существование тайваньцев как отдельной общности, прежде всего отличной от китайцев.

Восприятие периода японского колониального господства существенно отличается у представителей различных социальных и политических групп острова на разных исторических этапах. Начало постколониального развития Тайваня совпало с событиями гражданской войны в Китае, когда гоминьдановское правительство Китайской Республики⁶ в результате поражения от КПК в 1949 г. было вынуждено эвакуироваться на остров с целью последующего контрнаступления на материк. Пользуясь поддержкой со стороны США и других стран капиталистического лагеря в условиях Холодной войны, правительство во главе с Чан Кайши позиционировало себя как единственно законную власть во всем Китае. В связи с этим оно монополизировало право на интерпретацию любых исторических событий, происходивших как в Китае, так и на Тайване. Представители тайваньской интеллигенции, получившие образование по японскому образцу, были, наоборот, этого права лишены и оказались в маргинальном положении.

Таким образом, в случае Тайваня постколониализм включает в себя два процесса. С одной стороны, под руководством партии Гоминьдан велось «освобождение» тайваньского общества от последствий японского колониального господства. С другой – лишенные права голоса в первые годы постколониального развития Тайваня вели борьбу за то, чтобы быть услышанными. В официальной историографии период 1895–1945 гг. описывался исключительно в свете подавления прав тайваньского общества со стороны метрополии, насаждения на острове чуждых местному (ханьскому) населению языка и культуры.

Подобная интерпретация преследовала следующие две основные цели. Во-первых, гоминьдановское правительство стремилось представить недавнее прошлое Тайваня как антияпонскую борьбу, которая шла в одном русле с антияпонской войной 1931–1945 гг. в материковом Китае. Во-вторых, необходимо было доказать неправомочность представлений о существовании «двух Китаев» и о субъектности Тайваня⁷, которые могли бы поставить под сомнение «национальный миф» Китайской Республики об исторической предопределенности статуса Тайваня как одной из провинций Китая (Heylen, 2004: 6).

⁶ Партия Гоминьдан (ГМД) основана в 1912 г. С 1928 по 1949 г. была правящей партией Китайской Республики в материковом Китае.

⁷ То есть представлений о том, что Тайвань является самостоятельным субъектом мировой истории и что его развитие не связано исключительно с процессами, происходившими в Китае.

С конца 1980-х гг., в связи с отменой военного положения и демократизацией общественно-политической жизни острова, произошел всплеск изучения колониальной истории Тайваня, и особенно периода японского колониального господства. Новый историографический дискурс в условиях снятия цензурных ограничений концентрировался в основном на положительном влиянии колониальной политики Японии на экономику, здравоохранение, образование, инфраструктуру, поддержание правопорядка и другие сферы жизни острова. Кроме того, в условиях роста интереса к «тайваньской идентичности», колониальное прошлое острова воспринималось как сугубо тайваньский опыт периода раздельного существования острова и материка.

Дискуссия относительно оценок периода японского колониального господства находит отражение в особенностях исторической терминологии. Так, для обозначения периода колониальной зависимости Тайваня от Японии используется два термина: «*жицзюй шици*» (дословно – «период японской оккупации») и «*жичжи шици*» («период японского правления»). Первый из них использовался в гоминьдановской историографии, второй – в работах, оценивающих данный период в положительном ключе. В 2013 г. вопрос о терминологии вновь вызвал резонанс в обществе, когда Исполнительный юань (Правительство) Китайской Республики опубликовал распоряжение использовать термин «период японской оккупации» в официальных документах, издаваемых государственными органами. При этом в целях «соблюдения свободы слова, закрепленной в Конституции», в академической сфере допускалось использование обоих терминов в зависимости от позиции исследователя⁸.

Постколониальный период развития Тайваня в условиях авторитарного правления партии Гоминьдан (1945–1987 гг.)

15 августа 1945 г. подданные Японской Империи, включая жителей ее колоний, услышали голос императора Хирохито, который объявил о поражении своей страны в войне на Тихом океане. Для большинства тайванцев капитуляция метрополии означала освобождение острова от колониальной зависимости и возвращение под суверенитет Китайской Республики, с гражданами которой жители Тайваня ощущали этническое и культурное родство.

Однако кризис тайваньской экономики из-за действий гоминьдановской администрации и недопущение тайваньцев к чиновничьим должностям вызвали разочарование местных жителей (Chen, 2008). В феврале 1947 г., меньше, чем через полтора года после перехода Тайваня под власть Китая, на острове вспыхнуло восстание против новых властей. Местные жители осаждали административные здания с требованиями отмены введенных монополий на

⁸ Yan S.Q. (2013) The Taiwanese authorities set the tone for the debate over the «period of Japanese occupation» and the «period of Japanese rule» [台灣官方就日據與日治之爭定調]. *BBC Chinese News Service*, 23 July. Available at: https://www.bbc.com/zhongwen/trad/china/2013/07/130723_tw_jp_occupied_dispute (accessed 4 October 2021). (In Chinese).

торговлю рядом товаров, предоставления тайваньцам большего количества мест в провинциальных органах власти, вплоть до наделения провинции Тайвань автономией в рамках Китайской Республики. В начале марта 1947 г. на острове высадился дополнительный контингент гоминьдановской армии, который подавил выступления. В результате этих событий, вошедших в историю как «инцидент 28 февраля», погибло по разным оценкам от 18 до 28 тысяч местных жителей (Nien-Chung and Chen, 2019: 626), большинство представителей тайваньской интеллигенции были арестованы или вынуждены эмигрировать. Значение этого инцидента для тайваньского общества сложно переоценить⁹. Многие исследователи отмечают, что именно он стал отправной точкой для формирования «тайваньской идентичности», которая складывалась в условиях напряженных отношений между коренными жителями острова и выходцами с материка¹⁰. Монополизация власти партией Гоминьдан после 1945 г. привела к осознанию коренными тайваньцами своего подчиненного по отношению к представителям гоминьдановской администрации положения, что способствовало складыванию у них особого – тайваньского – самосознания. После эвакуации правительства Китайской Республики на Тайвань в 1949 г. на острове происходило интенсивное насаждение китайской культуры, идентичности и языка¹¹. В академической сфере была принята китаецентричная парадигма, в рамках которой изучение истории и географии Тайваня могло вестись исключительно как изучение одного из регионов Китая (Каимова, 2015).

Если в гоминьдановской историографии момент возвращения Тайваня под суверенитет Китайской Республики принято называть «возрождением славы» (*гуанфу*), то современные исследователи, следуя традиции сторонников Движения за независимость Тайваня, склонны рассматривать период авторитарного правления Гоминьдана как очередной этап колонизации острова (Liou, 2011). Китайская Республика в данной связи воспринимается не как страна, к которой Тайвань исторически принадлежал, а как одна из иностранных держав, подчинивших себе остров. Таким образом, формирование «тайваньской

⁹ Упоминание об этом инциденте на острове было под запретом вплоть до 1990-х гг. По мере либерализации общественно-политической жизни Тайваня эти события стали не просто одной из наиболее популярных исследовательских тем, но и одним из пунктов партийной идеологии Демократической прогрессивной партии (образована на Тайване в 1986 г. участниками движения «беспартийных»), а также основанием для критики со стороны партии в адрес правящего Гоминьдана.

¹⁰ Современная концепция «полиэтничности» тайваньского общества подразумевает его деление на четыре основные категории: 1) представители аборигенных народностей; 2) *хокло* – выходцы из южной части материковой провинции Фуцзянь, предки которых переселились на Тайвань до 1895 г.; 3) *хакка* – переселенцы из северной части провинции Гуандун, время эмиграции которых на остров совпадает с *хокло*; 4) выходцы из материкового Китая, прибывшие на Тайвань после 1945 г. Процентное соотношение этих групп составляет примерно 2, 75, 10 и 12% соответственно от общего населения Тайваня. Первые три группы в связи с тем, что все они проживали на острове до 1945 г., объединяются под общим названием «*бэньшэнжэнь*» («люди данной провинции») и противопоставляются «*вайшэнжэнь*» («людям из внешних провинций»), прибывшим сюда после окончания Второй мировой войны.

¹¹ Родными языками для коренных тайваньцев являются южнофуцзяньский диалект, диалект хакка и языки аборигенных народностей.

идентичности» в постколониальный период строилось на основе включения в нее положительного колониального опыта острова при одновременном отторжении периода авторитарного правления партии Гоминьдан.

Период демократизации общественно-политической жизни Тайваня (1979–2000 гг.) и превращения «тайваньской идентичности» в часть официальной политической программы Демократической прогрессивной партии (после 2000 г.)

В 1971 г., в результате трансформации отношений в треугольнике США–СССР–КНР, Китайская Республика была вынуждена уступить свое место в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН коммунистическому правительству материкового Китая. После этого Тайвань начал терять своих дипломатических союзников из западного лагеря, которые один за одним заключали официальные отношения с КНР. В 1979 г. были разорваны дипломатические отношения между Китайской Республикой и США. Изменение позиций Тайваня на международной арене, то есть потеря гоминьдановским правительством статуса единственно законного правительства всего Китая, заставило его искать новые основания для легитимизации собственной власти на острове. Так началась постепенная либерализация общественно-политической жизни Тайваня, которая подразумевала в том числе расширение участия коренных тайваньцев в управлении островом. В 1988 г. президентом Китайской Республики впервые стал представитель коренных тайваньцев Ли Дэньхуэй (1988–2000 гг.), известный как «отец тайваньской демократии» за свои политические реформы, результатом которых стало превращение Тайваня в полноценное демократическое общество (Ларин, 2000:147–188; Tsai, 2005).

Именно в период президентства Ли Дэньхуэя началось стремительное развитие отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. В 1992 г. на встрече представителей КНР и Китайской Республики был достигнут «консенсус», в рамках которого был сформулирован принцип «одного Китая», согласно которому обе стороны признают, что в мире существует только один Китай, но каждая из них сохраняет за собой право собственной интерпретации этого принципа. 1990–е гг. стали также временем стремительного наращивания экономических связей между Тайванем и материковым Китаем.

При этом, формально признавая свою приверженность принципу «одного Китая», Ли Дэньхуэй проводил курс на «тайванизацию» всех сторон жизни острова, целью которого было укрепление тайваньского самосознания его жителей. Политика декитаизации Тайваня была продолжена с еще большей интенсивностью после избрания в 2000 г. на пост президента Китайской Республики представителя ДПП Чэнь Шуйбяня (2000–2008 гг.). Мерами этой политики стали, помимо прочего, активное использование диалектов жителей острова в публичной сфере, переименование улиц, компаний, учреждений, поощрение изучения истории и литературы Тайваня (Головачев, 2007).

Несмотря на обвинения в адрес Чэня в связи с чрезмерной прямолинейностью и негибкостью его политики по распространению «тайваньской идентичности», сегодня ее результаты вполне очевидны. Именно воспитанное в годы президентства Чэнь Шуйбяня молодое поколение тайваньцев сегодня является наиболее активным выразителем идей «тайваньской идентичности». Неслучайно курс президента Китайской Республики от партии Гоминьдан Ма Инцзю (2008–2016 гг.) на укрепление экономических связей между Тайванем и КНР воспринимался значительной частью населения как угроза суверенитету, что привело к сокрушительному поражению этой партии на выборах в 2016 г.

Политика и высказывания нынешнего президента Китайской Республики Цай Инвэнь (занимает пост с 2016 г.) также свидетельствуют о ее приверженности идеям тайваньского национализма. Еще в ходе избирательной кампании Цай всячески подчеркивала готовность поддерживать «статус-кво» в Тайваньском проливе. Однако в условиях обострения отношений между КНР и США с 2018 г. ее позиция претерпела существенные изменения. Глава тайваньской администрации занимает жесткую позицию в отношении КНР, регулярно призывая коммунистическое правительство Китая рассматривать Тайвань в качестве равного партнера. Она также заявляла о непризнании формулы «одна страна, две системы», которую власти КНР рассматривают в качестве основы для будущего объединения двух берегов Тайваньского пролива¹². Будучи формально главой государства под названием «Китайская Республика», Цай Инвэнь в своих публичных выступлениях всячески избегает этого словосочетания. Так, в официальном новогоднем обращении Цай 1 января 2019 г. к жителям острова «Китайская Республика» была упомянута всего один раз, причем в словосочетании «Китайская Республика Тайвань». Слово «Тайвань» же прозвучало в данной речи 22 раза¹³.

Важной основой подобной позиции Цай Инвэнь является укрепившаяся за последнее время «тайваньская идентичность» жителей острова. Согласно результатам опросов общественного мнения, в феврале 2020 г. количество людей, причисляющих себя к тайваньцам, составляло 83.2% населения острова. В то же время доля опрошенных, считающих себя китайцами или имеющими двойную идентичность, сократилась вдвое с сентября 2019 г, причем показатели опустились до самого низкого уровня за последние 30 лет: лишь 5.3% заявили о своей китайской идентичности, а 6.7% участников опроса утверждали, что они и тайваньцы, и китайцы¹⁴. Таким образом, «тайваньская идентичность»,

¹² Hsu S. (2019) Tsai Blasts 'One Country, Two Systems'. *Taipei Times*, 3 January. Available at: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2019/01/03/2003707244> (accessed 14 October 2021).

¹³ Tsai I.W. (2019) President: 2019 Will be a Year of Fighting for People's Welfare, Protecting Democracy and Upholding Sovereignty. President's 2019 New Year Speech [總統: 2019年是拚民生護民主守主權的一年總統2019新年談話]. *Office of the President*, 1 January. Available at: <https://www.president.gov.tw/NEWS/23999> (accessed 14 October 2021). (In Chinese).

¹⁴ Everington K. (2020) Record 83% of People in Taiwan identify as Taiwanese amid Wuhan Virus Outbreak. *Taiwan News*, 24 February. Available at: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3880591> (accessed 15 October 2021).

первоначально сформировавшаяся как концепция, принятая в довольно узких кругах, в настоящее время оказывается широко распространена среди населения острова.

Парадоксы современной тайваньской идентичности в международном контексте

Выявленные нами тенденции эволюции тайваньской идентичности, усилившийся после прихода к власти Цай Инвэнь акцент на «тайванизацию» и дистанцирование от материкового Китая, а также продолжающееся ухудшение отношений КНР и США, отражаются на политике Тайваня по расширению своего дипломатического пространства. КНР, в свою очередь, также более активно реагирует на попытки тайваньского руководства сдвинуть «красные линии», опираясь на активизацию риторики «великого возрождения китайской нации» и рост «комплексной национальной мощи».

За время своего существования предмет противостояния не изменился, поскольку по-прежнему «тайваньский конфликт концентрируется на вопросе международного статуса Тайваня, то есть на том, должен ли Тайвань быть принят как суверенное государство, обладающее независимостью де-юре, либо он является частью Китая, которая в конечном итоге должна воссоединиться с материком» (Weissmann, 2012: 54). Тем не менее современный этап конфликта характеризуется новыми условиями. Ранее действовали негласные правила, позволявшие Тайваню существовать как квазигосударство и пользоваться преимуществами международной системы, при условии, что остров не будет претендовать на статус национального государства (Kang, 2003: 179). Отказ Тайбэя от признания принципа «одного Китая» сузил возможности для маневра и привел к повышению напористости Пекина в отстаивании своего понимания границ, в которых остров может действовать на международной арене.

Важной особенностью нынешнего повышения конфликтности является усиление роли американского фактора, что связано с дипломатической тактикой Тайваня. Осенью 2019 г. США решили отозвать для консультаций глав американских дипломатических представительств в трех странах, разорвавших отношения с Тайванем для дипломатического признания Китайской Народной Республики. Были отозваны послы в Сальвадоре и Доминиканской Республике, а также поверенный в делах в Панаме¹⁵. Такая политика, по всей видимости, связана с тем, что в Госдепартаменте негативно оценивают рост китайского экономического и политического присутствия в Южной и Центральной Америке.

¹⁵ U.S. Recalls Diplomats in El Salvador, Panama, Dominican Republic over Taiwan. *Reuters*, 2018, 8 September. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-taiwan-idUSKCN1LO00N> (accessed 11 November 2021).

Тайвань, осознавая, что в условиях китайско-американской конфронтации ценность острова для США повышается, также стремится переформатировать тайваньско-американские отношения. В мае 2019 г. после согласования с американской стороной власти Тайваня объявили, что впервые с 1979 г. изменят название органа, в ведении которого находится развитие отношений с Соединенными Штатами¹⁶. После разрыва дипломатических отношений между Китайской Республикой и США поддержанием контактов в новом формате с американской стороны занималась некоммерческая организация Американский институт на Тайване (American Institute in Taiwan), с тайваньской – Координационный совет по делам Северной Америки (北美事务协调委员会 / Coordination Council for North American Affairs, CCNAA).

На смену последнему с конца мая 2019 г. пришел Тайваньский совет по делам США (台湾美国事务委员会 / Taiwan Council for U.S. Affairs, TCUSA). Тайваньский МИД, объявивший об этом решении, заявил, что смена наименования имеет «огромное значение». Перемены прокомментировала и президент Тайваня Цай Инвэнь, подчеркнув, что этот шаг означает существование тесных отношений между Тайванем и США и высокий уровень доверия¹⁷. Безусловно, смена вывески укладывается и в общую логику «тайванизации», которая стала преобладающей в официальном нарративе во время президентства Цай Инвэнь. Соединение в одном названии «Тайваня» и «Соединенных Штатов» не только акцентирует внимание на особом характере взаимодействия двух субъектов, но и еще больше приближает характер их отношений к квазиофициальному, а главное – выносит во внешний мир «тайванизированную повестку».

Таким образом, происходит корректировка тайваньских внешнеполитических приоритетов: тайваньская администрация стремится не только закрепить и при возможности расширить легальное поле для действий на международной арене, но и использовать партнерство с дипломатическими союзниками для продвижения своего взгляда на отношения в Тайваньском проливе и на то, чем сегодня является Тайвань. С этой точки зрения рост военно-политической напряженности вокруг Тайваня не должен затмевать тот факт, что препятствием к решению тайваньского вопроса является не только дилемма безопасности, но и растущая культурно-политическая дифференциация сторон конфликта.

Внутренние дискуссии о «тайваньской судьбе» неизбежно отражаются и на том, как Тайвань развивает отношения с зарубежными партнерами. В частности, логике тайванизации следуют последние попытки Тайваня по открытию зарубежных представительств. Так, в ноябре 2021 г. в Вильнюсе было открыто

¹⁶ Strong M. (2019) Taiwan Changes Name of Office in the U.S. to Taiwan Council for U.S. Affairs. *Taiwan News*, 25 May. Available at: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3710503> (accessed 14 October 2021).

¹⁷ Lin C. N. (2019) Taiwan's Coordination Body for the US Renamed. *Taipei Times*, 26 May. Available at: <https://www.taipetimes.com/News/front/archives/2019/05/26/2003715797> (accessed 14 October 2021).

тайваньское представительство, в названии которого вопреки сложившейся международной практике используется слово «Тайвань» что спровоцировало острый дипломатический кризис в отношениях Литвы и КНР¹⁸.

20 июля 2021 г. министр иностранных дел Тайваня У Чжаосе (Джозеф Ву) объявил, что Тайвань и Литва обменяются представительствами для расширения «экономических и торговых обменов, сотрудничества в различных областях, а также дружбы между людьми». В сообщении тайваньского внешнеполитического ведомства отмечалось, что Тайвань и Литва «разделяют фундаментальные ценности свободы, демократии и уважения прав человека»¹⁹. Официальное открытие в Вильнюсе представительства Тайваня состоялось уже через четыре месяца – 18 ноября 2021 г.

Внимание Тайбэя к факту открытия этого представительства объясняется тем, что в связи с давлением КНР тайваньская дипломатия длительное время не могла похвастаться значимыми достижениями. Происходил постоянный отток «союзников», переключающихся на дипломатическое признание КНР. Активность тайваньских зарубежных представительств снизилась, а ресурсы и эффективность «мягкой силы» уменьшались. До Вильнюса последней европейской столицей, в которой Тайваню удалось открыть представительство, стала Братислава в 2003 г., за год до вступления Словакии в ЕС. Таким образом, открытие после большого перерыва представительства в европейской стране (да еще с продвижением повестки «тайванизации») можно было эффективно «продать» как историю успеха для внутренней аудитории. Это было принципиально важно для правящей Демократической прогрессивной партии в свете выборов в местные органы власти в ноябре 2022 г. и президентских выборов 2024 г.

В названии не обошлось без политико-лингвистической игры. Строго говоря, «Тайвань» присутствует лишь в наименовании представительства на китайском языке 駐立陶宛台灣代表處 (Представительство Тайваня в Литве). В английском варианте используется прилагательное «Тайваньский» (*The Taiwanese Representative Office in Lithuania*). Название на литовском на торжественно открытой 18 ноября 2021 г. вывеске отсутствует. Примечательно, что на вывеске размещен флаг Китайской Республики, что, как правило, тайваньский МИД предпочитает не делать для загранпредставительств в странах, не имеющих с Тайванем дипломатических отношений, поскольку в таких случаях государственная символика вызывает протесты Пекина.

¹⁸ China Condemns Opening of Taiwan Office in Lithuania as 'Egregious Act'. *The Guardian*, 2021, 19 November. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2021/nov/19/china-condemns-opening-of-taiwan-office-in-lithuania-as-egregious-act> (accessed 21 November 2021).

¹⁹ Lin C.N. (2021) 'Taiwanese' Office to Open in Lithuania. *Taipei Times*, 21 July. Available at: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2021/07/21/2003761201> (accessed 14 October 2021).

Единственный существующий аналог использования наименования «Тайвань» – открытое 17 августа 2020 г. в международно непризнанном Сомалиленде представительство острова 台灣駐索馬利蘭共和國代表處 (*Taiwan Representative Office in the Republic of Somaliland*). Формально стороны не имеют дипломатических отношений.

В отличие от китайско-американских отношений, для которых тайваньский вопрос вот уже многие годы является очагом системных противоречий и постоянным источником напряженности, отношения стран Европейского союза и КНР до сих пор не были настолькоотягощены фактором Тайваня. Разумеется, в рамках общего курса на расширение международного признания Евросоюз не игнорировался тайваньской администрацией. Однако европейское направление для Тайваня явно уступало по важности партнерству с США, Японией, а также с традиционным кругом «дипломатических союзников» в Океании, Центральной и Южной Америке. Наличие дипломатических отношений с Ватиканом (непрерывно с 1942 г.) не позволяет говорить о «тайваньском крене» в Европе, поскольку не оказывает значимого влияния на отношения с Евросоюзом ввиду особого статуса Святого престола и его сдержанного внешнеполитического курса.

Такое осторожное позиционирование европейских государств по важнейшему для КНР вопросу «единства Китая» во многом традиционно и имеет определенные исторические причины. Во времена Холодной войны, когда остров был антикоммунистическим бастионом, Западная Европа не имела тех же глубоких стратегических интересов «противостояния коммунистическому Китаю», что и США (в рамках трансатлантических союзнических обязательств видели главную угрозу в политике СССР). В свою очередь, и Тайвань не придавал большого значения Европе в своем «дипломатическом» наступлении, считая США ключевым гарантом безопасности и во многом идеологом экономической трансформации. После отмены военного положения и начала демократизации на Тайване европейские страны продолжали рассматриваться преимущественно как бизнес-партнеры и инвесторы, а политически мотивированная «долларовая дипломатия» Тайваня сосредоточилась на менее значительных, но более заинтересованных в безвозмездной помощи игроках из числа развивающихся стран.

Тем не менее решение Вильнюса открыть представительство Тайваня легко объяснимо. Здесь сошлись несколько разнохарактерных процессов, восходящих к одному фундаментальному источнику – переходу отношений КНР и США в фазу полномасштабной конфронтации, которая охватывает не только торговую сферу, но и технологии, а также, что немаловажно, идеологию и систему ценностей. Усиление китайско-американской конкуренции неизбежно приводит к сложному выбору для малых и средних игроков, которые, при наличии достаточного запаса авантюризма, начинают использовать эти противоречия в собственных интересах.

Заключение

Одним из результатов усиления соперничества между Китаем и США является обострение ситуации вокруг Тайваня. Это происходит не только из-за все более явной поддержки «сепаратистских сил» на острове со стороны Соединенных Штатов, но и в силу самой логики великодержавной конкуренции. В условиях хаотизации международных отношений и эскалации противостояния двух крупнейших игроков, другие акторы вынуждены хеджировать риски, защищать национальные интересы и вести свою игру, реализуя краткосрочные сценарии и не играя вдолгую. Тайваньский вопрос вполне может быть одним из элементов этой сложной позиционной игры.

Растущая неустойчивость мировой системы, напряженность глобальной и региональной ситуации создают условия, в которых часть тайваньского общества будет все больше осознавать свою уникальную идентичность и стремиться подчеркнуть независимость и отличие от материкового Китая. Усиление манифестации тайваньской идентичности может проявляться в поддержке политических партий и лидеров, выступающих в защиту тайваньского суверенитета и независимости, а также в усилении культурных выражений и символов, связанных с тайваньской историей и традициями, в том числе относящихся к аборигенной культуре. Вместе с тем курс Си Цзиньпина на возрождение китайской нации заставляет КНР обращать все большее внимание на противодействие как политическому, так и культурному сепаратизму.

Тайваньскую идентичность можно назвать гибридной, однако в несколько ином смысле, более сложном, чем в трактовках постколониальной теории. Гибридность в данном случае не является результатом взаимодействия колониальной и местной традиции. В тайваньском кейсе сложно определить, что конкретно является колониальной традицией. Ясно, что часть современного тайваньского общества противостоит японскому колониальному наследию, но в то же время процессы декитаизации, которые активно поощряет ДПП, позиционируют материковый Китай в качестве метрополии, подавляющей островную идентичность. При этом лидеры ДПП вынуждены учитывать гибридность идентичности, сбалансированно отвечая интересам и ожиданиям разнообразных групп населения Тайваня. Они сталкиваются с необходимостью поддержки тайваньского национализма, одновременно уделяя внимание его противоположности – культурному наследию Китая.

Раскол идентичности усиливается и особыми отношениями острова с США. Тайваньская идентичность объединяет китайскую культурную основу с уникальными особенностями, которые возникли в результате влияния полинезийских корней аборигенной культуры, островного менталитета, японского колониального влияния и американских либеральных ценностей. Цай Инвэнь в контактах с американской стороной почти всегда упоминает об общей приверженности ценностям демократии. При этом в истории Тайваня американский фактор в зависимости от конкретного периода и политической ориентации той или иной общественной группы мог восприниматься по-разному – в начале 2000-х гг. на Тайване со стороны высокопоставленных

функционеров ДПП вполне серьезно звучали упреки в том, что США рассматривают остров как свою колонию, подавляя стремление к самоопределению и национальному суверенитету²⁰.

Высокий уровень вмешательства «политического» в вопросы идентичности приводит к парадоксальным ситуациям. Современные руководители ДПП, будучи очевидными сторонниками «тайваньского национализма», вынуждены пробивать дорогу Тайваню на международной арене под флагом Китайской Республики (то есть используя символику, исторически связанную с претензиями Гоминьдана на управление всей китайской территорией). В то же время на самом острове они ведут одновременную борьбу как против КНР, отвергая принцип «одна страна, две системы», так и против исторического наследия Китайской Республики и ее символики (отказ от использования красно-бело-голубой цветовой гаммы флага Китайской Республики) во время официальных мероприятий, а также от упоминания в официальном контексте самого названия «Китайская Республика» – вместо него «Тайвань», «наше государство» и т.п.).

Тайвань, будучи включенным в китайско-американскую конфронтацию, стремится использовать растущую неопределенность международной среды для демонстрации субъектности, поддержки сети международных контактов и укрепления своего статуса. Таким образом, усиление конкуренции КНР и США не только не препятствует, но и, наоборот, способствует манифестации тайваньской идентичности, что в долгосрочной перспективе может осложнить поиск мирного решения тайваньского вопроса.

Список литературы

1. Андерсон Б. (2001) *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: КАНОН-пресс-Ц. 288 с.
2. Войтенко Э.М., Лексютина Я.В. (2011) Тайвань между Китаем и Америкой. *Россия в глобальной политике*. 9(1): С.111–120.
3. Головачев В.Ц. (2007) Тайвань на заре 21 века – смена символов, ритуалов и предрассудков. *Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности*. Москва: Рубежи XXI. С. 329–351.
4. Каимова А.С. (2015) Политика китаизации Тайваня и становление тайваньской идентичности. *Восток (Oriens)*. 2: С. 132–138.
5. Ларин А.Г. (2000) *Два Президента, или Путь Тайваня к демократии*. Москва: Academia. 200 с.
6. Лексютина Я.В. (2017) США и политика «одного Китая». *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 10(5): С. 99–115. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115.
7. Bolt P. (2001) Economic Ties across the Taiwan Strait: Buying Time for Compromise. *Issues and Studies* 37(2): 80–105. DOI: 10.7033/ISE.200103_37(2).0003.

²⁰ Koo K.M. (2004) Taiwan is Not a Colony of the US. *Taipei Times*, 17 May. Available at: <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2004/05/17/2003155871> (accessed 14 October 2021).

8. Chai W. (2002) The Taiwan Factor in US-China Relations: An Interpretation. *Asian Affairs: An American Review* 29(3): 131–147. DOI: 10.1080/00927670209598883.
9. Chang-Liao N.C., Chen Y.-J. (2019) Transitional Justice in Taiwan: Changes and Challenges. *Washington International Law Journal* 28(3): 619–643.
10. Chao C.M. (2003) Will Economic Integration Between Mainland China and Taiwan Lead to a Congenial Political Culture? *Asian Survey* 43(2): 280–304. DOI: 10.1525/as.2003.43.2.280.
11. Chen D.P. (2013) The Strategic Implications of Ma Ying-jeou's «One ROC, Two Areas» Policy on Cross-Strait Relations. *American Journal of Chinese Studies* 20(1): 23–41.
12. Chen K.L. (2013) 两岸文化的本质差异 [The Essential Differences between the Cross-Strait Cultures]. *台湾研究集刊* [Taiwan Research Journal] 4: 1–6. (In Chinese).
13. Chen K.W. (2008) Disciplining Taiwan: The Kuomintang's Methods of Control during the White Terror Era (1947–1987). *Taiwan International Studies Quarterly* 4(4): 185–210.
14. Chu Y.H. (2004) Taiwan's National Identity Politics and the Prospect of Cross-Strait Relations. *Asian Survey* 44(4): 484–512. DOI: 10.1525/as.2004.44.4.484.
15. Clark C. (2002) Growing Cross-Strait Economic Integration. *Orbis* 46(4): 753–766. DOI: 10.1016/s0030-4387(02)00146-1.
16. Cooke T. (2009) Cross-Strait Matrix: The Economic Cooperation Framework Agreement. *China Brief* 9(11): 7–10.
17. Corcuff S. (2002) Introduction: Taiwan, A Laboratory of Identities. In Corcuff S. (ed.) *Memories of the Future: National Identity Issues and the Search for a New Taiwan*. Armonk, NY: Sharpe, pp. xi–xxiv.
18. Ding A.S., Huang P.A. (2011) Taiwan's Paradoxical Perceptions of the Chinese Military More Capable but Less Threatening? *China Perspectives* 2011(4): 43–51. DOI: 10.4000/chinaperspectives.574.
19. Gartzke E., Gleditsch K. (2006) Identity and Conflict: Ties that Bind and Differences that Divide. *European Journal of International Relations* 12(1): 53–87. DOI: 10.1177/1354066106061330.
20. Heylen A. (2004) The Modernity of Japanese Colonial Education in Taiwan: Moving beyond Formal Schooling and Literacy Campaigns. *Taiwan Journal of East Asian Studies* 1(2): 1–36.
21. Jager S. (2007) *The Politics of Identity: History, Nationalism, and the Prospect for Peace in Post-Cold War East Asia*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. 61 p.
22. Kang D. (2003) Hierarchy and Stability in Asian International Relations. In Ikenberry J., Mastanduno M. (eds.) *International Relations Theory and the Asia-Pacific*. NY: Columbia University Press, pp.163–189.
23. Lin G. (2016) Beijing's New Strategies Toward a Changing Taiwan. *Journal of Contemporary China* 25(99): 321–335. DOI: 10.1080/10670564.2015.1104863.
24. Liou L.Y. (2011) Taiwanese Postcolonial Fiction. *PMLA* 126(3): 678–684. DOI: 10.1632/pmla.2011.126.3.678.
25. Magcamit M. (2015) Games, Changes and Fears: Exploring Taiwan's Cross-Strait Dilemma in the 21st Century. *Journal of Asian Security and International Affairs* 2(1):92–115. DOI: 10.1177/2347797014565297.
26. Scobell A. (2021) Constructing a US-China Rivalry in the Indo-Pacific and Beyond. *Journal of Contemporary China* 30(127): 69–84. DOI:10.1080/10670564.2020.1766910.
27. Soong H.W. (2018) US Strategy of «A Free and Open Indo-Pacific»: A Perspective of Taiwan. *Prospect Journal* 19: 9–28.
28. Struve L.A. (1998) *The Ming-Qing Conflict, 1619–1683: A Historiography and Source Guide*. Ann Arbor, MI: Association for Asian Studies. 423 p.
29. Su B. (1986) *Taiwan's 400 Year History: The Origins and Continuing Development of the Taiwanese Society and People*. Washington, DC: Taiwanese Cultural Grassroots Association.

30. Tsai S. (2005) *Lee Teng-hui and Taiwan's Quest for Identity*. New York: Palgrave Macmillan. 304 p. DOI: 10.1057/9781403977175.
31. Tucker N. (2009) *Strait talk: United States-Taiwan Relations and the Crisis with China*. Cambridge, MA: Harvard University Press. DOI: 10.2307/j.ctv1pncpw2.
32. Weissmann M. (2012) *The East Asian Peace: Conflict prevention and Informal Peacebuilding*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137264732.
33. Wills J.E. Jr. (2005). *Pepper, Guns, and Parleys: The Dutch East India Company and China, 1622–1681*. Los Angeles, CA: Figueroa Press. 315 p.

Comparative Politics. Volume 13. No. 1-2. January–June / 2022
DOI 10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-116-138

STATUS OF TAIWAN AND THE EVOLUTION OF TAIWANESE IDENTITY

Dr Anna S. KAIMOVA – Assistant Professor, Department of History of China, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University.

ORCID: 0009-0009-9299-1430. E-mail: annansja@gmail.com
11c1 Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009.

Igor E. DENISOV – Senior Research Fellow, Center for East Asian and SCO Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-5447-1164. E-mail: iedenisov@yahoo.com
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received May 8, 2023

Accepted June 11, 2023

Acknowledgements. In the case of Igor E. Denisov, the article has been supported by a grant of the MGIMO University. Project no. 1921-01-05.

Abstract: The Taiwan issue, which originated from China's civil war, not only defines the complex relationship between Beijing and Taipei but also has significant implications for security and stability in the Asia-Pacific region. The article examines the evolution of Taiwan's status and the formation of Taiwanese identity within the context of the escalating geopolitical confrontation between China and the United States. The study focuses on historical, political, and cultural factors that have shaped Taiwanese identity, offering a fresh perspective that goes beyond previous binary ideological assessments. The authors highlight the influential role of historical heritage, including Chinese cultural influence, Polynesian culture, the Japanese colonial period, and Taiwan's interaction with the United States, in shaping a unique hybrid Taiwanese identity. The analysis presented in the paper makes it evident that the Taiwan issue is not only intensified by the increasing US support for «separatist forces» on the island but also by the inherent dynamics of great-power competition. Taiwan aims to leverage global uncertainty to strengthen its international standing and assert its own agency. The findings of this study demonstrate that amid the intense US-Chinese competition, the expression of Taiwanese identity becomes magnified, thereby further complicating the pursuit of a peaceful resolution to the Taiwan issue in the long run. The conclusion derived from this research is relevant for understanding and forecasting the future dynamics of the situation in the Taiwan Strait.

Keywords: Taiwan, China, United States, status, identity, postcolonialism, Taiwan issue, great-power competition, historical heritage, cultural hybridity

References:

1. Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: KANON-press-Ts. 288 p. (In Russian).
2. Bolt P. (2001) Economic Ties across the Taiwan Strait: Buying Time for Compromise. *Issues and Studies* 37(2): 80–105. DOI: 10.7033/ISE.200103_37(2).0003.
3. Chai W. (2002) The Taiwan Factor in US-China Relations: An Interpretation. *Asian Affairs: An American Review* 29(3): 131–147. DOI: 10.1080/00927670209598883.
4. Chang-Liao N.C., Chen Y.-J. (2019) Transitional Justice in Taiwan: Changes and Challenges. *Washington International Law Journal* 28(3): 619–643.
5. Chao C.M. (2003) Will Economic Integration Between Mainland China and Taiwan Lead to a Congenial Political Culture? *Asian Survey* 43(2): 280–304. DOI: 10.1525/as.2003.43.2.280.
6. Chen D.P. (2013) The Strategic Implications of Ma Ying-jeou's «One ROC, Two Areas» Policy on Cross-Strait Relations. *American Journal of Chinese Studies* 20(1): 23–41.
7. Chen K.L. (2013) 两岸文化的本质差异 [The Essential Differences between the Cross-Strait Cultures]. *台湾研究集刊* [Taiwan Research Journal] 4: 1–6. (In Chinese).
8. Chen K.W. (2008) Disciplining Taiwan: The Kuomintang's Methods of Control during the White Terror Era (1947–1987). *Taiwan International Studies Quarterly* 4(4): 185–210.
9. Chu Y.H. (2004) Taiwan's National Identity Politics and the Prospect of Cross-Strait Relations. *Asian Survey* 44(4): 484–512. DOI: 10.1525/as.2004.44.4.484.
10. Clark C. (2002) Growing Cross-Strait Economic Integration. *Orbis* 46(4): 753–766. DOI: 10.1016/s0030-4387(02)00146-1.
11. Cooke T. (2009) Cross-Strait Matrix: The Economic Cooperation Framework Agreement. *China Brief* 9(11): 7–10.
12. Corcuff S. (2002) Introduction: Taiwan, A Laboratory of Identities. In Corcuff S. (ed.) *Memories of the Future: National Identity Issues and the Search for a New Taiwan*. Armonk, NY: Sharpe, pp. xi–xxiv.
13. Ding A.S., Huang P.A. (2011) Taiwan's Paradoxical Perceptions of the Chinese Military More Capable but Less Threatening? *China Perspectives* 2011(4): 43–51. DOI: 10.4000/chinaperspectives.574.
14. Gartzke E., Gleditsch K. (2006) Identity and Conflict: Ties that Bind and Differences that Divide. *European Journal of International Relations* 12(1): 53–87. DOI: 10.1177/1354066106061330.
15. Golovachev V. (2007) Taivan' na zare 21 veka – smena simvolov, ritualov i predrassudkov [Taiwan at the Dawn of the 21st Century – Changing Symbols, Rituals, and Prejudices]. In *Pod'em Kitaia: znachenie dlia global'noi i regional'noi stabil'nosti* [The Rise of China: Implications for Global and Regional Stability]. Moscow: Rubezhi XXI, pp. 329–351. (In Russian).
16. Heylen A. (2004) The Modernity of Japanese Colonial Education in Taiwan: Moving beyond Formal Schooling and Literacy Campaigns. *Taiwan Journal of East Asian Studies* 1(2): 1–36.
17. Jager S. (2007) *The Politics of Identity: History, Nationalism, and the Prospect for Peace in post-Cold War East Asia*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. 61 p.
18. Kang D. (2003) Hierarchy and Stability in Asian International Relations. In Ikenberry J., Mastanduno M. (eds.) *International Relations Theory and the Asia-Pacific*. NY: Columbia University Press, pp.163–189.

19. Kaimova A. (2015) Politika kitaizatsii Taivania i stanovlenie taivan'skoi identichnosti [The Politics of Sinification of Taiwan and the Formation of Taiwanese Identity]. *Vostok (Oriens)* [East (Oriens)] 2: 132–138. (In Russian).
20. Larin A.G. (2000) *Dva Prezidenta, ili Put' Taivania k demokratii* [Two Presidents, or Taiwan's Path to Democracy]. Moscow: Academia. 200 p. (In Russian).
21. Leksiutina Ya. (2017) SSHA i politika «odnogo Kitaia» [US and Its «One China» Policy]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law] 10(5):99–115. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115. (In Russian).
22. Lin G. (2016) Beijing's New Strategies Toward a Changing Taiwan. *Journal of Contemporary China* 25(99): 321–335. DOI: 10.1080/10670564.2015.1104863.
23. Liou L.Y. (2011) Taiwanese Postcolonial Fiction. *PMLA* 126(3): 678–684. DOI: 10.1632/pmla.2011.126.3.678.
24. Magcamit M. (2015) Games, Changes and Fears: Exploring Taiwan's Cross-Strait Dilemma in the 21st Century. *Journal of Asian Security and International Affairs* 2(1):92–115. DOI: 10.1177/2347797014565297.
25. Scobell A. (2021) Constructing a US–China Rivalry in the Indo-Pacific and Beyond. *Journal of Contemporary China* 30(127): 69–84. DOI: 10.1080/10670564.2020.1766910.
26. Soong H.W. (2018) US Strategy of «A Free and Open Indo-Pacific»: A Perspective of Taiwan. *Prospect Journal* 19: 9–28.
27. Struve L.A. (1998) *The Ming–Qing conflict, 1619–1683: A Historiography and Source Guide*. Ann Arbor, MI: Association for Asian Studies. 423 p.
28. Su B. (1986) *Taiwan's 400 Year History: The Origins and Continuing Development of the Taiwanese Society and People*. Washington, DC: Taiwanese Cultural Grassroots Association.
29. Tsai S. (2005) *Lee Teng-hui and Taiwan's quest for identity*. New York: Palgrave Macmillan. 304 p. DOI: 10.1057/9781403977175.
30. Tucker N. (2009) *Strait Talk: United States–Taiwan Relations and the Crisis with China*. Cambridge, MA: Harvard University Press. DOI: 10.2307/j.ctv1pncpw2.
31. Voitenko E., Leksiutina Ya. (2011) Taivan' mezhdru Kitaem i Amerikoi [Taiwan between China and America]. *Rossia v global'noi politike* [Russia in Global Affairs] 9(1): 111–120. (In Russian).
32. Weissmann M. (2012) *The East Asian Peace: Conflict Prevention and Informal Peacebuilding*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137264732.
33. Wills J.E. Jr. (2005) *Pepper, Guns, and Parleys: The Dutch East India Company and China, 1622–1681*. Los Angeles, CA: Figueroa Press. 315 p.